

Фигуры неориторики

DOI: 10.53953/08696365_2025_193_3_353

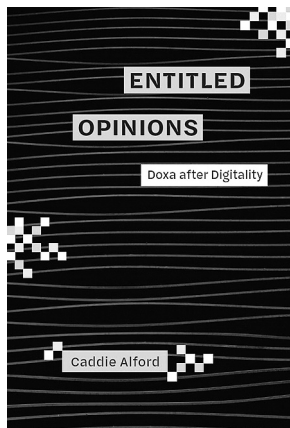
Alford C. Entitled Opinions: Doxa after Digitality.

Tuscaloosa: The University of Alabama Press, 2024. — XII, 228 p. —
(Rhetoric + Digitality).

Lombardinilo A. The Lure of Communication: Sociology through Rhetoric.

L.: Palgrave Macmillan, 2024. — X, 363 p.

Каковы место и задачи риторики в цифровизированном обществе XXI в.? На этот счет возникают все новые теории, подходы множатся, а вместе с ними возрастают и объемы специальной литературы. Чаще всего речь идет об истолковании риторических феноменов с герменевтических, металингвистических и социологических позиций, иногда — с возвратом к классической традиции, иногда — с ее тотальным перетолкованием. Книги, о которых пойдет речь, вполне вписываются в этот тренд, и в то же время они во многом отражают противоположные методологические позиции, репрезентируя два полюса одного интеллектуального целого.

Монография Кэдди Элфорд, доцента кафедры английского языка в Университете Содружества Виргинии, представляет собой многостороннее исследование понятия, в классической риторике занимающего достаточно скромное положение¹, однако с середины XX в. возвысившегося в своем значении, — это понятие о «мнении», или, в греческой терминологии, о «доксе». Прообразом своей книги Элфорд называет «Сеть убеждений» Уилларда Куайна и Джозефа Уллиана — учебное пособие по философии и методологии науки, опубликованное в 1970 г.² Куайн и Уллиан, по словам Элфорд, писали в «очередную эпоху постправды» (имеется в виду тогдашний кризис американского общества, расколотого антивоенными протестами и студенческими выступлениями) и по прагматической не-

- 1 М. Мифсуд определяет доксу как «неизменно присутствующее, хотя и неписаное культурное знание, всеми до определенной степени разделяемое» (*Mifsud M. Rhetoric and the Gift: Ancient Rhetorical Theory and Contemporary Communication. Pittsburgh, 2015. P. 71*). Схожим образом можно описать и положение доксистических систем внутри риторической науки, классической и средневековой: представление о мнениях как таковых в тривиуме хотя и затрагивается, но все же во многом остается «неписанным», хотя к нему восходят многие доказательные и инвентивные практики.
- 2 См.: *Quine W.V., Ullian J.S. The Web of Belief. 2nd ed. N.Y., 1978*. Между тем есть как минимум две относительно известные работы, к которым книга Элфорд примыкает гораздо теснее: это влиятельная статья М. Розенгрена «О доксе» (*Rosengren M. On Doxa — the Epistemology of the New Rhetoric // Scandinavian Studies in Rhetoric: Rhetorica Scandinavica 1997—2010 / Ed. by J.E. Kjeldsen, J. Grue. Ödåkra, 2011. P. 156—167*; рус. пер.: *Розенгрэн М. К вопросу о дохе: эпистемология «новой риторики»* / Пер.

обходимости выстроили сутобо современную систему, в которой центральное положение занимают не истины, а убеждения. Характеристика убеждений как сетевого явления и их взаимоисключающее противостояние с истинами заставляют Элфорд провести параллель между интенцией Куайна — Уллиана и собственной интенцией, нацеленной на разработку новой доксистической теории в ее приложении к цифровому обществу и его медиуму — социальным сетям.

По мысли Элфорд, ее «Правомочные мнения», как и «Сеть убеждений», отвечают на вызовы антирациональной эпохи, резко отворачивающейся от фактов в пользу субъективизма, релятивизации и умножения истин. При этом предлагается традиционный эпистемологический подход: дискурс подразделяется на мнение и знание, в «напряженной динамике» которых можно обнаружить своеобразное равновесие. Правда, сами эти термины, «мнение» и «знание», Элфорд считает в западной традиции перегруженными, поэтому она возвращается к истокам и выстраивает книгу как переосмысление классических платоновских понятий, нуждающихся не в переводе, а в истолковании³. «Возможно, философы сослужили нам дурную службу, сфокусировавшись на знаниях и не замечая убеждений», — Элфорд особенно выделяет этот тезис Куайна и Уиллиана⁴ и называет эпохи постправды барометром для нашего отношения к таким явлениям, как мнение и убеждение. Разрабатываемая в книге «аффирмативная теория мнений» (с. 6) преимущественно опирается на социально-сетевую лингвистическую материю, и сама Элфорд настаивает на таком подходе, нисколько не считая его односторонним или тенденциозным: социальные медиа, утверждает она, синонимичны мнениям как таковым и синхроничны с ними (с. 3)⁵. Возврат к классической терминологии происходит во вполне феноменологическом духе и предполагает как минимум временную приостановку исторических допущений. С одной стороны, подход этот

с англ. Д. Воробьева // Вопросы философии. 2012. № 6. С. 63—72), а также продолжающая эту линию монография Э. Бенгтсона «Эпистемология риторики» (*Bengtson E. The Epistemology of Rhetoric: Plato, Doxa and Post-truth. Uppsala, 2019*). См. также: *Kuipers J.A. Doxa and a Critical Rhetoric: Accounting for the Rhetorical Agent through Prudence // Communication Quarterly. 1996. Vol. XLIV. P. 452—462; Amossy R. Introduction to the Study of Doxa // Poetics Today. 2002. Vol. XXIII. No. 3. P. 369—394.*

- 3 «В этой книге, — пишет автор, — пересматривается динамика между древнегреческими терминами, обозначающими знание и мнения: эпистема и докса» (с. 7). На практике же понятие об ἐπιότητι в книге едва затрагивается, и, как явствует из ее заглавия, в фокусе внимания неизменно остается δόξα. Вероятно, такая смысловая экономика и подразумевается в словах о динамическом пересмотре. Здесь же добавим, что слово δόξα у Элфорд — множественного числа (см. с. 10), а от формы δόξαι она отказывается («дабы с явностью продемонстрировать, что для современных мнений я ищу новые траектории», с. 11). Такой лингвистический ход — фиксация единственного числа — не вполне, пожалуй, отражает центральную идею книги, заключающуюся в том, что мнения как «коллективные истины» по природе своей противятся редукции и сингуляризации.
- 4 Тезис, отчасти вырванный из контекста: в данном случае не имелась в виду гносеологическая ценность убеждений как таковых — под ними подразумевалось предзнание в иерархическом восхождении к подлинному знанию через приведение убеждений к полноте и согласованию (см.: *Quine W., Ullian J. Op. cit. P. 13—14*).
- 5 Это утверждение базируется на следующих предпосылках: критика социальных медиа часто сливается с критикой доминирующих общественных перспектив; благодаря социальным сетям значительно возрастает наша информированность о мнениях. Следует ли отсюда, что соцсети «синонимичны» мнениям? Пожалуй, здесь мы имеем дело даже не с доксой, а со своего рода догмой современных социально-лингвистических исследований, которая большинству исследователей кажется самоочевидной и в особых доказательствах не нуждающейся.

жизнеспособен и многократно опробован, но с другой — в контексте разговора о мнениях, об их риторической и даже коммуникативной ценности — исходная точка, подразумевающая снятие мнений как таковых, кажется почти парадоксальной. Впрочем, в дальнейшем Элфорд последовательно отвергает диалектику доксы и парадокса и субординирует парадоксальность как частный случай доксальности⁶.

Терминологическое изыскание Элфорд начинает с общего экскурса о софистическом и философском понимании доксы: Платон, противопоставляя неизменные истины колеблющимся мнениям, возвышает эпистему и отбрасывает доксы, что позволяет Элфорду провести параллель между «Горгием» и «маргинализацией мнений» в современном обществе. Аристотель, в отличие от Платона, дифференцирует знание и мнение в социальных контекстах и делает более условным как первое, так и второе: «Знание нуждается в правильном изложении, а мнение сохраняет свою актуальность в зависимости от его восприятия и распространения» (с. 8). Все это методическое изложение представляется упрощенным: так, Элфорд не упоминает о доксистической системе из диалога «Теэтет», которая не вполне вписывается в представленную «объективистскую» картину и содержит в себе представление об «ортодоксиях», или «правильных мнениях», предвосхищающих аристотелевские эндоксы.

Это последнее понятие обретает в книге Элфорд если не новую жизнь, то особое значение: представление о «правомочном» мнении напрямую связано с этим аристотелевским концептом; под эндоксой понимается общепринятое мнение, хотя бы отчасти затрагивающее истину и служащее подобающим основанием для дискурса (можно сказать, что Куайн и Уиллиан в цитируемых у Элфорда фрагментах имеют в виду именно эндоксу). Понятие об эндоксе как о своеобразной промежуточной стадии между доксой и эпистемой становится опорной точкой, помогающей, по мысли автора, преодолеть укоренившееся представление о мнении как о яблоке раздора, инструменте всеобщего разделения. Существование эндокс, или наиболее достоверных мнений, подразумевает, во-первых, что сами мнения группируются в социологическом контексте (эндокса принимает во внимание социальную реальность, в которой статус определенных групп позволяет им обобщать и проецировать свои убеждения), а во-вторых — что любой доксистический дискурс (а Элфорд отождествляет его с риторическим дискурсом в целом) «требует коллективного напряжения коллективного же разума» (с. 26), поскольку градация убеждений от менее до более вероятных сама по себе уже требует от общества определенных усилий по дифференциации. Эндоксу Элфорд определяет как локальную истину сообщества, добавляя к этому, что эндокса «не способна говорить сама за себя» (с. 27). Понять это уточнение можно следующим образом: включение эндоксы во внешний, то есть не принадлежащий эндоксологическому сообществу,

6 См. у Элфорда критику делёзовской «Логики смысла», где докса определяется через ее противопоставление парадоксу; Делёз, пишет Элфорд, «пытался» противопоставить доксу как смысл парадоксу как бессмыслице, «предлагал поверить» в их разделение, но его концепция парадокса как порождения бессознательного, продолжает она, вполне способна включать в себя также и саму доксу в ее «чистой непознаваемости». Ошибка Делёза доказывается в книге при помощи следующей сентенции: «Докса... это не просто “мысль”, а способ мыслить с квантором всеобщности: докса есть сознательное бессознательное продумывание бессознательных сознательных мыслей» (с. 90). Что ж, при такой дефиниции отличить мнение от парадокса действительно сложно; между тем в первой главе Элфорд вводит в оборот редкий термин «адоксы», обозначающий беспочвенные мнения (в отличие, очевидно, от «правомочных мнений», упомянутых в заглавии книги), которые вполне могли бы включать в себя и сферу парадоксального.

риторический нарратив само по себе еще не является утверждением истины; вместо этого в эндоксах можно усмотреть контекстуальный фон и основы того социального соглашения, которое объединяет группу вокруг «общепризнанного» мнения («самый социальный путь к сути вопроса», там же).

Такого рода иерархизация мнений приводит автора к пересмотру инвентивных риторических практик и уточнению понятия инвенции в риторике сетевого типа⁷. Инвенция как произведение аргумента, утверждает она, представляет собой «практику поиска или интуирования доксы, работу с доксой, через доксу, ради установления доксы» (здесь вновь нельзя не заметить окказиональное обращение к терминологии Гуссерля, по существу несочетаемой с риторической теорией), причем такова она от начала, «вне зависимости от эпохи, техники или среды» (с. 137). Подобное сужение инвентивных техник с одновременным расширением доксистической сферы, как представляется, преследует цели не столько концептуальные, сколько контекстуальные: благодаря такому подходу Элфорд удается без особых проблем соотносить инвентивный подход (и таким образом, риторические механизмы в целом) с любыми тенденциями, заявлениями и прокламациями в социальных сетях. «Инвенция, — сказано в пятой главе, — становится синонимом социальных медиа»⁸. В этом смысле проводится параллель между инвенцией и доксой: и та и другая «стремятся к признанию» и «должны быть уместными» (с. 138). Впрочем, инвенция остается инструментальным процессом, и ее слияние с доксой как с рациональным объектом представляется крайне проблематичным даже на уровне семантики. Чтобы преодолеть этот лингвистический срыв, Элфорд вводит еще одно платоновское понятие, переосмысленное постмодернистами, —

-
- 7 Еще в начале книги Элфорд отмечает, что с точки зрения риторической теории книга о мнениях должна начинаться с рассмотрения «созависимых отношений» доксы и инвенцией, однако такой классический подход «означал бы, что с риторикой сегодня всё как обычно... Но с подъемом экстремистских стилей белого этнонационализма... распространением дезинформации... размыванием гражданского дискурса демагогическими уловками... мы не можем и не будем делать вид, что в современной риторике “всё как обычно”» (с. 15). Можно, видимо, утверждать, что современная риторика в представлении Элфорд вновь выродилась до софистики, а значит, рассматривать ее в рамках уже распавшегося риторического канона не представляется возможным. Эта мысль может быть продуктивной, но в данном случае она заставляет усомниться в авторском подходе: если риторические алгоритмы не функционируют, то правомерно ли вообще рассматривать социально-сетевой дискурс в риторических терминах, с риторической точки зрения, в риторическом обрамлении? Может ли простая перегруппировка методических блоков (перенос инвентивных практик в конец книги: см. пятую главу, которая так и называется — «Докса + инвенция») изменить что-то по существу? Здесь мы рассматриваем подходы, изложенные у Элфорд в пятой главе, перед выводами, приведенными в первой: такой подход представляется более естественным, пусть в нем и «всё как обычно».
- 8 То же самое выше утверждалось о доксе. При такой всеобщей «синонимичности» борьба за терминологию — а ведь вся книга направлена именно на терминологическое осмысление! — оказывается почти бесперспективной. Если само понятие мнения в сетевом контексте девальвируется, а одновременно с этим мнение тождественно доксе (изначально более широкому понятию), докса «синонимична» социальным медиа, а эти последние выстроены как риторическая инвенция, тогда докса равна инвенции и изначально девальвирована в рассматриваемых средах. Впрочем, возможно, здесь дело в невнимательности автора по отношению к мнимым «синонимам». Кроме того, разграничение между «мнением» и «доксой» Элфорд проводит лишь в методических разделах, в основном же тексте это взаимозаменяемые понятия; ср. заглавие книги, где в основной части фигурирует «докса», а в подзаголовке — «мнения».

χώρα. Если у Ролана Барта и Жака Лакана платоновская хора — как «процесс, становящийся субъектом» — предстает пространством сложных семиотических преобразований, то у Элфорд это функционалистский термин, примиряющий (в силу своей неопределенности) несопоставимое. Инвенция в цифровой сфере рассматривается как чистая трансформация, а сами цифровые доксы характеризуются как «скользящие модуляции» (там же). В этом смысле кажется логичным сопоставить хорическое начало с самой сетью как пространством, а не с инвенцией как процедурой⁹.

Элфорд критикует (называя его романтизированным) представление об инвенции, не подразумевающее «схематизации доксы в качестве самой инвенции» (с. 141), а вместо этого включающее в себя доксу как материал и как компонент для инвенциональной концептуализации. В противовес предлагается ряд критериев, которым «современная» инвенция должна соответствовать, причем каждый вводится под многократный рефрен: «Почему так? Потому что такой нам хотелось бы видеть инвенцию» (см. с. 140—142). Любопытно, что за критикой «романтической» инвенции скрываются следующие характеристики инвенции новой (хорической или докстической, как ее называет Элфорд¹⁰): «Инвенция переизобретает собственный вопрос... ее механизмы — это загадка... история внутри истории... благословение и проклятье...» Что ж, поскольку понятие романтической инвенции уже занято, здесь, наверное, уместно говорить об инвенции декадентской.

Хора становится у Элфорд едва ли не всезначным, анархическим термином, способным разрушать любое содержание, сохраняя при этом видимость формы. «Старая» инвенция, которая вслед за Ульмером именуется здесь топической, подразумевает работу с локализованным материалом, в то время как «хорическое» принципиально не имеет общего места, и всякая попытка его риторизировать просто превращает хору в топ (первую вообще можно понимать, как минимум по Аристотелю, в качестве своего рода разомкнутого пространства между сомкнутыми топами). Если же автор, как в нашем случае, намеренно и целенаправленно избегает топологии, то в инвентивном приложении хора почти тождественна хаосу и подразумевает уже не риторику, а скорее поэтику, причем очень специфическую потоковую поэтику, которую Александр Туфанов еще в первой четверти XX в. удачно охарактеризовал как «текучесть». Представляется, что накопленные социально-сетевыми доксологами опыт и материал можно встроить в общую систему достаточно естественным образом, не нагружая риторические структуры постмодернистскими концепциями и в конечном счете не разрушая их: достаточно признать, что докса есть не что иное, как подвид топа, фигурального общего места, облегчающего аргументацию и направляющего ход рассуждения, то есть в каком-то смысле определяющего и само сознание оратора. Вспомним, что в аристотелевской

9 Автор тоже обращает внимание на это напрашивающееся заключение, но отвергает его, поскольку «цифровая хорическая инвенция куда сложнее» (с. 139), ведь в нем не учитывается первичная роль доксы, в то время как «хореоцифровая инвенция» реализуется исключительно через доксу. Элфорд добавляет: «Ничто цифровое... и ничто докстическое не бывает законченным» (там же). В классической модели незавершенная инвенция считается просто некачественной, но здесь нам предлагается другая, достаточно спорная точка зрения, согласно которой завершенной риторической формы просто не существует.

10 Чтобы понять эту терминологию, необходимо обратиться к кн.: *Ulmer G.L. Neuretics: The Logic of Invention*. Baltimore, 1994. P. 61—78. Разграничивая топическую и хорическую инвенции, Грегори Ульмер, как и Элфорд, опирается на хронологический очерк Жака Деррида, и в этом смысле «новая теория мнений» оказывается вторичной или даже третичной.

«Топике», на которую опирается Элфорд в своих рассуждениях об эндоксе и адоксе, прямо сказано: топ есть производное от эндоксы, или общего мнения. Там же рекомендовано прилагать к доводам общеизвестные доксы, что сделает общий ход аргументации более убедительным, — то есть докса и топ в инструментальном смысле идентичны. Элфорд не игнорирует этот гораздо более простой подход: «Я признаю, что доксы так и просятся в раздел топов... Топологическая форма, как можно легко себе представить, активируется доксистическим содержанием». Но все же отвергает его: «Это означало бы, что доксы по сути являются предзаданными декларативными суждениями; я же утверждаю, что мнения возникают со временем и сопряжены с эмергентностью» (с. 98). Впрочем, как мы хорошо знаем из топологии XX в., система топов, или литературных топосов, тоже упорядоченно функционирует вне зависимости от изначальных топических интенций, а постепенное возникновение мнений в рамках теории систем мало чем отличается от жизни топа¹¹. В обоих случаях речь идет о коллективном производном, которое становится «предзаданным» только в авторском, дискурсивном приложении и в любое время остается открытым к переосмыслению.

Наконец, нужно указать еще на весьма специфический стиль Элфорд, которая и сама упоминает о своих «стилистических рисках», призванных «высекать искры смысла» через ассоциативное мышление (с. 12). Выражается все это в обильной риторизации текста, полнящегося риторическими вопросами и — излюбленный метод автора — риторическими повторами, возведенными в систему (иные формулировки страницами венчают каждый абзац, повторяясь буквально десятки раз¹²). И это несколько удивляет, если учесть, что в книге не раз утверждается: риторика в классическом понимании есть «всего лишь риторика» (с. 36) и сегодня нельзя просто использовать ее методы — будто «всё как обычно» (с. 15).

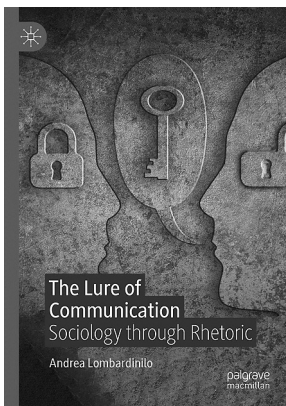
В целом «Правомочные мнения» — книга неровная и неоднозначная. В ней есть оригинальные и хорошо написанные разделы об античной риторической и философско-риторической традиции, среди которых особенно выделяется раздел с новым истолкованием платоновского «Горгия» в рамках адоксистической тео-

11 В послесловии Элфорд называет мнения аутопозитическим явлением, «самопроизводящим и самодвижущимся» (с. 176). Впрочем, аутопозитическая система по определению (см., например: *Luhmann N. Autopoiesis als soziologischer Begriff / Aufsätze und Reden. Stuttgart, 2011. S. 137–158*) поддерживает собственные границы, а следовательно, их имеет; другими словами, нелокализованные явления (в основном тексте книги отстаивается именно такое представление о доксах) аутопозитическими быть не могут, сама же эта дефиниция явно свидетельствует в пользу топологической природы доксы.

12 См., например, с. 169–179, где максима «Все имеют право на свое мнение» повторяется с вариациями 27 раз. Местами тавтологическая риторичность с разного рода силлепсами и эпизевксисами становится вычурной и софистической, ср.: «...Предметом потребления является то, что всегда считалось предметом потребления и притом то, что не осознавалось как предмет потребления: само содержание, но не то содержание, в котором обнаруживается недостаток смысла; скорее предметом потребления является то содержание, которое обнаруживается в смысле некоего шестого чувства...» (с. 92). Другой пример всеохватной риторизации — сравнительно крупный фрагмент о медицинской вирусологии — о ДНК и РНК, протеинах и генах, — добавленный просто в развитие метафоры о «вирусном» контенте, наполняющем социальные медиа. К слову, в рассматриваемой ниже книге А. Ломбардини подробно анализируются стратегии «риторики обозначения», порожденной колебаниями медиареальности, и ключевыми из этих стратегий называются как раз метафоризация (по Р. Сеннету) и тавтология (по Ж. Бодрийяру); «Магия нашей медиацивилизации заключается в ее тавтологической сути и метафорическом инстинкте» (с. 132).

рии (с. 29—37)¹³. Если в традиционном прочтении этот диалог представляет собой философскую критику софистической риторики, то у Элфорд он превращается в апологию риторического опровержения, направленного против адоксистических высказываний и тем самым имплицитно возвышающего высказывание доксистическое. Особое внимание уделяется тому факту, что адокса, как пишет Элфорд, активирует этическую реакцию: публичное высказывание адоксистического мнения вызывает у слушателя неловкость, и едва ли не ключевым для всего диалога в этом смысле становится понятие стыда (сюда же относится суждение об «оборонительной», или недобросовестной форме адоксы, которая отстаивается только ради «сохранения лица»), а сама адокса здесь определяется как «риторический механизм, посредством которого мы совместно переживаем и понимаем стыд» (с. 36). Адокса в этой системе становится, так сказать, тенью доксы и вбирает в себя все негативные коннотации, которые преследовали доксу на протяжении западной истории¹⁴.

С другой стороны, книга явно страдает от нехватки философского и лингво-философского осмысления проблемы. Не поднимаются вопросы о том, насколько вообще социально-сетевое высказывание можно считать риторическим (что подразумевало бы интенцию, существование которой неочевидно), каково, скажем, место такого высказывания в системе речевой деятельности (в частности, выделению подлинно риторических элементов, скорее всего, помогла бы методическая классификация собранного в книге социально-сетевого корпуса с точки зрения речевых актов). И в целом «новая теория мнений», которую автор берется сконструировать в предисловии, так и остается умозрительным проектом. Тем не менее при всех терминологических проблемах и некоторой бессистемности книгу Элфорд можно рассматривать как сборник разноплановых эссе о поэтике медиасферы, условно связанных доксистической тематикой.

Совершенно иной подход к теме прослеживается в книге итальянского социолога Андреа Ломбардини «Притягательность коммуникации», посвященной вопросам риторики в социологии современного общества¹⁵. Она открывается ключевыми методическими вопросами: какое место занимает риторика в эпоху «мейнстримного дискурса и глобализованной информации» (с. 2) и как современная социология может (если в принципе может) инкорпорировать риторические «паттерны»? Исследование коммуникации, как показывает Ломбардини, невозможно без современного применения социологических и риторических методов. Поэтика повседневной речи с ее неизменной метафоризацией, пересечение письменного

- 13 Само понятие об адоксе у Платона не встречается, но Элфорд не без оснований отождествляет с адоксами мнения, противопоставленные в его концепции опыту.
- 14 Этот интересный и многообещающий подход, который сама Элфорд называет главной мыслью своей книги (с. 16), к сожалению, изолирован в первой главе и практически не проецируется в других фрагментах, разве что подразумевается. Среди других ценных фрагментов, затрагивающих античную теорию, можно отметить рассуждение об эндоксах у Аристотеля (с. 122—125) и о хоре в «Тимее» (с. 144—148).
- 15 Заглавие восходит, вероятно, к английскому переводу одной из книг Юргена Хабермаса, одного из главных героев книги Ломбардини: «The Lure of Technocracy» (в оригинале — более многозначно: «Im Sog der Technokratie»).

и устного, тесное сплетение (по Ричарду Сеннету) риторики и городской среды, наложение риторических парадигм на социологическую типификацию — все это тщательно рассмотрено или по крайней мере отмечено в теоретико-методологической части этого капитального исследования. Первичный подступ к каждому из этих вопросов возможен, как видно по книге, только через посредство семиотического анализа. К счастью, «Притягательность коммуникации» снабжена достаточно подробным обзором предшествующей литературы от Чарльза Райта Миллза и Кеннета Бёрка до новейших работ последнего десятилетия (с. 3—16), что позволяет, во-первых, взглянуть на проблему достаточно широко, а во-вторых — узнать историю самой постановки вопроса, самой возможности междисциплинарных переплетений, с которыми мы имеем дело в сегодняшней коммуникативистике. Интересен вывод Ломбардинио о том, что риторизация медиасферы есть результат «мифографического» характера самой этой среды с ее индуктивными моделями, существующими за счет недолговечных, постоянно подменяемых «символических осколков». Опираясь на бартовское разграничение риторических *exempla* и мифов (первые — это «риторическая индукция, основанная на интерпретативных и иконических моделях социальной динамики», вторые — «тип речи, в своей неизменности сформированный на фоне самой массовой коммуникации», с. 9), Ломбардинио проводит зеркальное разграничение — между классической, условно квинтилиановской риторикой и риторикой «новой», воспринявшей структуралистские установки. И материал устроен таким образом, чтобы эта зеркальность выявлялась сразу на нескольких уровнях, в оптике смежных мнений. Так, рассуждение Генриха Гейне из далекого 1828 г. о наднациональной взаимопонятности европейского риторического дискурса рассматривается через хабермасовскую призму¹⁶, а поверх этого наложены наблюдения Ломбардинио о самом Хабермase с его теорией коммуникативного действия (с. 12, 13, 252, 269—272); риторическая концепция, заложенная в основание «Новой науки» Джанбаттиста Вико, прочитывается сквозь призму интерпретаций Роджера Сильверстоуна, Исайи Берлина и Маршалла Маклюэна (с. 14, 15, 148, 182, 290).

Книга Ломбардинио во многом проясняет проблемы социально-сетевого подхода к риторике, представленного у Элфорд и вообще характерного для современной науки. Акцент в этих исследованиях настолько смещается в сторону сетевого аспекта риторики, что аспект социальный оказывается за скобками. Между тем риторика, учитывая ее коммуникативную, перлокутивную природу, нуждается для начала в социологическом осмыслении, и только после того может быть интерпретирована в приложении к инфраструктурам (медиа, соцсетям и т.п.). Чтобы выявить в них риторическую надстройку (или подоплеку), новые ландшафты коммуникации для начала нужно деконструировать до «символических инноваций» (Хабермас), порождающих технократический мифос. Коммуникативная релевантность дискурса и сама коммуникация выходят в этом смысле на передний план.

Как можно видеть, книга Ломбардинио написана на пересечении социологии с риторикой и теорией коммуникации, и рассматривать ее следует прежде всего как методическую разработку основ и самой возможности такого пересечения, «влияющего на наши семиотические навыки и выразительные привычки через практику наблюдения и воображения» (с. 16). Примечательно устройство книги: каждая ее глава посвящена тому или иному историческому подходу к коммуника-

16 В «Гейне как современнике» (2012) Ю. Хабермас обращается к гейневскому высказыванию как к коммуникативной программе по разрыву с историческим прошлым (*Habermas J. Zeitgenosse Heine / Habermas J. Im Sog der Technokratie. Berlin, 2013. S. 47—69*).

тивной риторике, тому или иному ключевому труду, который можно назвать основополагающим для этой модели. Так, в первой главе рассматривается книга Роджера Сильверстоуна «Зачем изучать медиа?» (1999), а точнее, предложенная в ней новая теория общих мест для коммуникативных контекстов Новейшего времени. В рамках риторической стратегии у Сильверстоуна выделяется здесь коммуникативная составляющая, а сама топологическая концепция вписывается в социологический контекст. Фигура общих мест рассматривается не столько в историческом контексте, сколько в приложении к современным информационным средам, а за основу при этом берется тезис Сильверстоуна: «Общие места могут сойти за общественное мнение» (с. 24)¹⁷. Топы, как показывает Ломбардинилю, являются инструментом, приводящим в движение общественные стереотипы, способные таким образом заново подкрепляться и возвращать утраченную убедительность. Механизмы символической аппроксимации, то есть подмены исходного сигнала чередой символов, в семиотическом смысле тесно соединяют топику с медиакommunikацией, также построенной на обмене символами и построении речевых категорий. Более того, топики становятся главной составной частью новой риторики, уже потерявшей связь с благородной классической традицией и призванной в первую очередь «заполнять пустоту публичного дискурса» (с. 26). Несмотря на все исторические разломы, убеждение и убежденность остаются фундаментальными разговорными стратегиями, и риторика в любом ее изводе остается тесно взаимосвязанной с прагматическим измерением языка как такового.

Это ключевой момент, который позволяет Ломбардинилю сделать программный вывод: если риторика укоренена в языковом функционале, то сам обмен символами в человеческой коммуникации, пока символы эти сохраняют «полисемическую сложность лингвистических знаков», можно рассматривать как риторическую модель, которая открывается тем самым для социальных наук и исследований медиасферы, вне зависимости от того, сохраняется ли в обществе классическая культура риторики с ее установленными законами или уходит в область воспоминания. В этом смысле риторика оказывается стратегией и средством анализа, и в первую очередь это касается медиариторики (с. 27). Принципы риторики как науки (классической и средневековой), критической риторики (по Сильверстоуну) и риторики публичной сферы (по Хабермасу) — с их стремлением соответственно к воспитанию, влиянию и сосуществованию — устроены иерархически и при любом упрощении инструментария неизменно сопровождают публичный дискурс, даже если речь идет о «риторическом динамизме интернета» (с. 51). Дело в том, что всякая коммуникативная стратегия подстраивается в своих принципах под «семиотическую сложность, данную в соединении образа с языком» (там же), в то время как тропы и фигуры речи в публичном дискурсе присутствуют неизменно.

Этот последний тезис Ломбардинилю, уже уходя от топологии Сильверстоуна, дополнительно подкрепляет примером из книги Сеннета «Плоть и камень» (1994)¹⁸. Метафоризацию, пишет Ломбардинилю, тоже можно интерпретировать как социологический принцип; так, Сеннет связывает метафоричность публичных выступлений, формировавших взгляды и образ жизни античного общества, с эволюцией городских пространств, выстроенных в соответствии с идеей «социальной

17 Нельзя не провести здесь параллель с рассмотренной выше концепцией общественного мнения у Элфорд, резко отвергающей принадлежность докстатических моделей к топологии.

18 Сеннет Р. Плоть и камень: тело и город в западной цивилизации / Пер. с англ. П. Фаворова. М., 2016.

функциональности и лингвистической эффективности» (с. 52). Теории Маклюэна о медиаэкологии и метафоричности любого медиума позволяют Сеннету выдвигать свою концепцию города (и шире, коммуникативного пространства, в функциональном смысле формируемого для развития человеческих взаимоотношений, в том числе, допустим, торговых¹⁹) как метафоры: он показывает, например, как урбанистическое планирование взаимосвязано с коммуникативными потребностями и как эта структура менялась с изобретением различных технических способов для громкоговорения. А «стереотипная медиаэкология» рассматривается в данном случае как результат длительного процесса метафоризации и «стремления к социальности» (с. 87).

Такие явления, как «цифровые аборигены» и «оцифрованный человек», Ломбардини тоже прочитывает через маклюэновскую «Галактику Гутенберга» с введенным там понятием «человек печатающий», полагая их проявлениями «печатающего ума» (с. 211). В этом смысле появление социальных сетей как медиума не представляется чем-то принципиально новым и может в основных своих риторических чертах выводиться из тех же принципов, что были заложены на пике печатной революции. Тем не менее цифровой мир характеризуется невиданным ранее наложением информационных слоев, подменивших собой, по Хабермасу, традиционную публичную сферу; на смену городским площадям в том, что касается риторического функционала, пришли «виртуальные облака», своим появлением ознаменовавшие, по Ульриху Беку, зарождение «глобального космополитизма». Ключевыми социологическими работами, позволяющими Ломбардини осмыслить это содержательное новшество, оказываются книга Бека «Метаморфоза современного мира» и ряд текстов Хабермаса (в частности, «пророческой» называется его знаменитая речь на «Премии мира» 2001 г.)²⁰. Эти авторы ставят вопрос о суверенитете публичного дискурса, целиком зависящего от технологической инфраструктуры, которая, в свою очередь, находится в руках крупных игроков международного рынка.

Здесь Ломбардини обращается уже к политическим и политологическим проблемам, тематически связанным с риторикой социальной коммуникации: в соответствующих главах ставятся вопросы о выживании демократии в условиях приватизации общественного мнения, о «коммуникативных недугах» цифровой сферы и побочных эффектах коммуникативной сетевизации, о возможности европеизма в транснационализированном дискурсе и т.д. Все это подводит автора к завершающим разделам — о «народной риторике» по Сеннету²¹ и о хабермасовских «технократических соблазнах», которые функционируют на уровне стереотипов и, соответственно, в плане коммуникативного воздействия сливаются воедино с со-

19 Более того, отдельная глава посвящена социологической проблематике внутриличностной коммуникации (то есть, попросту говоря, разговоров с самим собой) как речевой стратегии. Здесь опорой автору служит книга Ирвинга Гофмана «Формы разговора» (1981), в которой вводится понятие коммуникативного тона, для поддержания которого может использоваться и «разговор с самим собой» (*Goffman E. Forms of Talk. Pennsylvania, 1981*).

20 *Beck U. The Metamorphosis of the World: How Climate Change Is Transforming Our Concept of the World. Cambridge, 2017; Habermas J. Glauben und Wissen: Friedenspreis des Deutschen Buchhandels 2001. Frankfurt a.M., 2001.*

21 Речь идет о национальных идентичностях, само существование которых зависит от так называемых больших нарративов, от «антропологического образа народа» в национальнообразующих литературах и от наличия внешней аудитории, запускающей социальную активность нации (в связи с этим подробно рассматривается риторика писателей-изгнанников, в том числе Александра Герцена, см. с. 281—299).

блазнами риторическими: утверждение (или, как оно называется в книге, осажде-ние) «надежных» общих мест в обществе происходит благодаря репрезентативным медиастратегиям (с. 274).

Можно сказать, что «Притягательность коммуникации» — это во многом очень европейская книга. Подход Ломбардинило явно восходит к традициям историзма (вспомним параллели, уходящие к Вико и Гердеру), а манера изложения у него скорее диалектичная, без признаков суггестивной риторизации (повсеместно наблюдавшейся нами у Элфорд). Далее, образ риторики и ее будущее отождествляются в книге с образом и будущим самой демократии, а в конечном счете — с судьбой Европейского союза. Такой подход может найти своих критиков, особенно из числа глобалистов, рассматривающих европеизм как провинциализм²², однако с точки зрения риторической теории XXI в. стратегия Ломбардинило совершенно оправданна. В книге последовательно обосновывается целый ряд вопросов, касающихся риторического наслоения в сетевой и сетцентричной средах, — вопросов базовых, насущных, но при этом в специальной литературе (как мы видели на примере «Правомочных мнений» Элфорд) чаще всего подменяющихся готовыми ответами. Труд Ломбардинило можно рассматривать как обоснование фундаментальных теорий первого ряда, которые в большинстве случаев просто подразумеваются как нечто самоочевидное. Философская глубина и социологическая прагматичность — вот что действительно требуется работам такого рода.

22 См., например, характерную для этого подхода книгу о Хабермаса: Deprovincializing Habermas: Global Perspective / Ed. by T. Bailey. Abingdon, 2022.